

Серова Валентина Семеновна

**Серовы, Александр
Николаевич и Валентин
Александрович:
Воспоминания В.С. Серовой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В15

Валентина Семеновна С.
В15 Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович: Воспоминания
В.С. Серовой / Серова Валентина Семеновна – М.: Книга по Требованию,
2025. – 418 с.

ISBN 978-5-519-73374-8

Воспоминания о Михаиле Ивановиче Глинке; Руслан и русланисты;
Александр Сергеевич Даргомыжский; Отзывы.

ISBN 978-5-519-73374-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

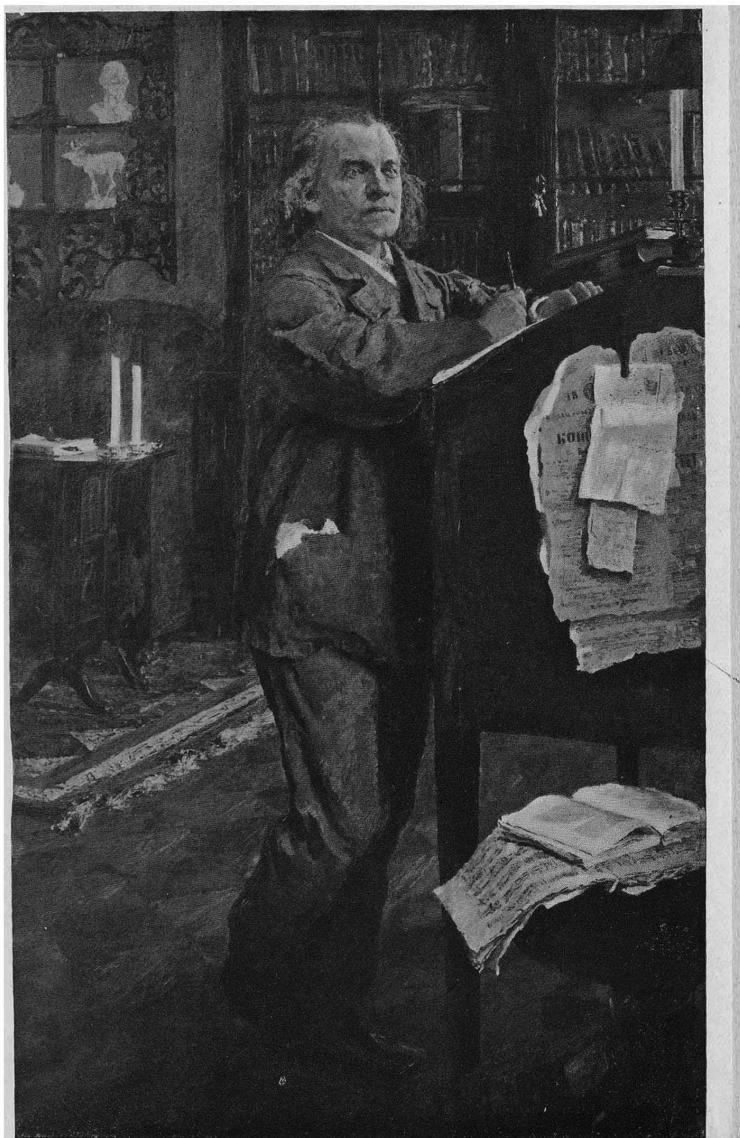
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В. А. Серов.

Мирей Александров III.
Е. В.

А. Н. Серов.
(1889 г.).

I.

ПЕРВАЯ МОЯ ВСТРѢЧА СЪ СѢРОВЫМЪ ВЪ 1863 ГОДУ.

— Да покажите же мнѣ, гдѣ Сѣровъ!?—воскликнула я, высовываясь изъ райка какъ можно болѣе впередъ, чтобы видѣть раскланивающагося композитора, послѣ 4-го дѣйствія «Юдиои», въ Маріинскомъ театрѣ.

— Вонъ же: маленькій, сѣдой, взъерошенный,—указала мнѣ пріятельница моя.

Какъ я ни силилась разобрать черты лица автора оперы «Юдиень», которая меня потрясла до мозга костей,—я этого не могла.

Большая голова на маленькомъ коротенькомъ тѣльцѣ—вотъ все, что я усмотрѣла съ высоты галлерей, и глубоко скорбѣла о томъ, что не могу видѣть лица композитора.

Сѣровъ былъ въ то время одной изъ самыхъ интересныхъ личностей въ области искусства. О немъ слава разнеслась по всей Россіи изъ-за его замѣчательныхъ критическихъ статей. Необъятная эрудиція, блестящій слогъ, истинное вдохновеніе, критическій талантъ, остроуміе, подчасъ злая насмѣшка, умѣніе заинтересовывать музыкальными вопросами людей, равнодушныхъ къ этому искусству, а главное, жизнь, прорывавшаяся бурнымъ потокомъ во всемъ, въ чемъ только Сѣровъ принималъ участіе,—все это создало ему тогда большой кругъ читателей и почитателей. Жизненность его проявлялась въ критическихъ статьяхъ: то мелкими блестками брошенныхъ какъ бы вскользь талантливыхъ фразъ, то ѣдкимъ сатирическимъ взмахомъ всеуничтожающаго грознаго бича, то мѣткой, тонкой оцѣнкой критикуемой личности, то характерной бранью, которой подвергались нерѣдко наши соотечественники, то, наконецъ, пафосомъ и фанатической проповѣдью того, во что онъ вѣровалъ. Въ описываемое мною время онъ писалъ статью о «Нибелунгахъ». Съ обычнымъ своимъ мастерствомъ Сѣровъ ярко, горячо проповѣдывалъ школу вагнеріанства, только что начинавшаго

возникать въ Европѣ. Личная дружба съ Вагнеромъ, тонкое пониманіе вагнеровской техники, оперныя задачи, занимавшія въ то время всѣхъ съ жгучимъ интересомъ и Вагнеромъ разрѣшенныя блестяще, съ силою гениальнаго бойца,—все это вдохновило Сѣрова, и изъ-подъ его пера такъ и хлынули новыя, смѣлыя мысли, послышалась разжигающая рѣчь и страстный протестъ противъ рутинѣ. Общество зачитывалось его статьями и считало Сѣрова исключительно критическимъ талантомъ; поэтому долго не хотѣли вѣрить его композиторскому дару, приписывая его учености глубокой эффектъ, производимый оперою «Юдиѣ». Вліяніе его статей было такъ интенсивно, что нѣсколько молодыхъ людей намѣривались бросить консерваторію, чтобы итти по начерченному Сѣровымъ пути для музыкальнаго развитія,—пути, на которомъ онъ самъ себя воспиталъ. Вслѣдствіе этого распустили злостную сплетню, будто онъ поселился противъ зданія консерваторіи для того, чтобы переманивать къ себѣ всѣхъ отверженцевъ.

Популярность Сѣровъ приобрѣлъ также изъ-за своего злого языка; его сильно побаивались, потому что онъ, бывало, иногда такъ мѣтко со-строить, что публика съ быстротою молніи передавала его mots въ партерѣ, а потомъ они разносились по Петербургу съ особеннымъ наслажденіемъ. Его шуточные изреченія относительно бароновъ, что у всякаго есть своя фантазія, только у барона N. N. (автора исполняемой пьесы) ея нѣтъ, а также о реальномъ дѣйствіи симфоніи «Океанъ», вызвавшей у него морскую болѣзнь, и проч. и проч., передавались изъ устъ въ уста. Столкновеніе Сѣрова съ Лазаревымъ было въ то время самой пикантной nouvelle du jour. О немъ нельзя здѣсь не упомянуть. Въ Петербургѣ, въ Дворянскомъ Собраніи, назначенъ былъ концертъ нѣкоего Лазарева, «абиссинскаго маэстро», съ напечатанными афишами, въ которыхъ были объявлены сочиненія концерта для сравненія съ Бетховеномъ. По словамъ очевидцевъ, онъ былъ наружности необычайной: краснаго, мѣднаго цвѣта лицо (впрочемъ, не напоминавшаго загара отъ палящихъ лучей тропическаго солнца), уши съ серьгами необычайныхъ размѣровъ, глаза пропадали въ неясныхъ очертаніяхъ лица, прическа, опять-таки по словамъ очевидцевъ, лакейски прилизанная, одежда, напоминавшая не то ливрею придворныхъ лакеевъ, не то швейцарскихъ поселянъ, жилетъ—увѣрялъ Сѣровъ—доходилъ до колѣнъ и проч. и проч. Вотъ какой субъектъ предсталъ съ дирижерской палочкой передъ петербургской публикой. Сѣровъ сидѣлъ въ первомъ ряду, разъяренный и негодующій... Начался концертъ вокальнымъ произведеніемъ, какъ разъ со слова: *pieta*. Первый слогъ *pi* приходилось пѣть на самомъ высокомъ *mi-bemol*, которое развѣ только Патти можетъ взять безъ затрудненія. Увѣряютъ, что публика

Идиолъ. — А. Н. Сярова

quasi Allegretto

subito p

solco, lusinghiero

subito p

subito

subito

quasi Allegretto

solco, lusinghiero, ma sempre con esultazione molto.

- sens - e!

2 o - gn - ni a l' u - ni - con e i kь бра

fizz.

fizz.

fizz.

приснула со смѣху, видя усилія маэстро, какъ тотъ своимъ широкимъ взмахомъ дирижерскаго жезла старался выжать эту ноту изъ сдавленныхъ гортаней хористокъ, но... вотще были его старанія: хоръ молчалъ и давился! Говорятъ, музыканты играли что имъ въ голову приходило, не обращая вниманія на ноты. Кое-какъ прошелъ первый номеръ. Очередь пришла исполнять замысловатую симфонію, долженствовавшую соперничать съ Бетховеномъ; уже музыканты берутся за инструменты, дирижеръ даетъ знакъ палочкой, уже должны раздаться небывалые звуки... какъ вдругъ въ публикѣ слышится движеніе, шопотъ, совершается нѣчто необычайное! Въ первомъ ряду на кресло вскакиваетъ маленькій человѣчекъ, останавливаетъ жестомъ оркестръ и, окидывая публику сверкающимъ взглядомъ, восклицаетъ: «Я протестую во имя святости искусства противъ профанаціи Бетховена! Подобной насмѣшки надъ гениальнымъ творцомъ не допустить ни одно благоустроенное общество, и абиссинскаго маэстро слѣдуетъ закидать гнилымъ картофелемъ или чѣмъ попало!» Слова сопровождались дѣйствіемъ: схвативъ подушку съ кресла, Сѣровъ швырнулъ ее въ озадаченнаго маэстро. Концертъ прекратился. Сѣрова арестовали... Государю передали о происшедшемъ скандалѣ; онъ отнесся къ выходкѣ Сѣрова, какъ къ артистическому увлеченію, и приказалъ только дать ему отеческое внушеніе. Ему не замедлили его дать въ формѣ отправки на гауптвахту. Тамъ авторъ «Юдиѳи» отсидѣлъ свои двѣ недѣли. Дамы привозили ему конфеты, общество получило пикантный анекдотъ для передачи другъ другу съ вариантами. Лазареву запретили въ Россіи давать концерты.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ, у Сѣрова былъ еще одинъ замѣчательный талантъ. Онъ импровизировалъ свои публичныя лекціи. Насчетъ нихъ даже враги его жаловались, что онъ ихъ привораживалъ своимъ краснорѣчіемъ, словно чарующая сирена.

Цѣлый переворотъ произвело въ музыкальномъ мірѣ ученіе Сѣрова о непризнаваніи музыкальныхъ правилъ, не основанныхъ на научныхъ началахъ. Если всѣ эти разнородные таланты Сѣрова приковывали къ нему вниманіе образованнѣйшаго слоя общества, пусть же читатель себѣ представитъ, какое обаяніе, какой интересъ связанъ былъ съ его именемъ для только что изгнанной изъ пансіона за свободомысліе дѣвицы лѣтъ шестнадцати, страстно любившей музыку, съ неимовѣрнымъ энтузіазмомъ въ душѣ и съ горячей, нѣсколько экзальтированной головою! Немудрено, что моею *idée fixe* стало неистовое желаніе познакомиться съ тѣмъ, который представлялся моему воображенію героемъ и гениемъ. Я не пропустила случая собирать о немъ свѣдѣнія какъ о человѣкѣ. Мнѣнія и слухи ходили самые разнокалиберные: поговаривали, что онъ остроумный, себя-

любивый, хвастливый, чудной, оригиналь, злой, двуличный!... Его рѣдкая ученость признавалась всѣми единодушно. Одинъ только молодой музыкантъ, Славинскій, посѣщавшій его неоднократно, отзывался о немъ съ любовью и энтузіазмомъ, хотя ярко охарактеризовать его также не сумѣлъ. Къ Славинскому я буквально приставала, чтобы онъ меня познакомилъ съ Сѣровымъ; но тотъ почему-то все откладывалъ исполнить мое завѣтное желаніе. Одинъ случай, наконецъ, помогъ мнѣ его осуществить. Разъ, прогуливаясь въ консерваторіи по рекреаціонному залу, я громко, запальчиво выразила свой протестъ противъ консерваторскаго ученія, утверждая, что вступаешь туда съ горячимъ стремленіемъ проникнуть во всѣ таинства излюбленнаго искусства, и въ результатѣ чувствуешь, что начинаешь его ненавидѣть.

— И хоть бы кто-нибудь понялъ, чего я хочу, и сочувствовалъ мнѣ!

— А вотъ тамъ живетъ человѣкъ, который вамъ очень будетъ сочувствовать,—иронически замѣтилъ одинъ ученикъ, указывая на балконъ сѣровской квартиры.

— Какъ же къ нему проникнуть?—спросила я, какъ бы не замѣчая его ироніи.

— Очень просто; я къ нему проникъ, запасшись большой дозой лести; совѣтую и вамъ запастись этимъ же самымъ снадобьемъ, навѣрное будете у него желанной гостьей, а ужъ сочувствовать онъ вамъ будетъ, не сомнѣвайтесь!

Какъ ни возмутило меня нахальство нечаяннаго моего совѣтника, я все-таки не пропустила мимо ушей высказанное имъ, и рѣшила на слѣдующее утро отправиться къ Сѣрову, написавъ предварительно Славинскому письмо съ предупрежденіемъ, что если онъ не захочетъ меня сопровождать къ Сѣрову, то я одна отправлюсь къ нему. Въ назначенный мною день я ждала отвѣта съ замираніемъ сердечнымъ. Славинскій принесъ его, наконецъ, сообщивъ мнѣ, что Сѣровъ ждетъ насъ въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня.

Насталъ давно ожидаемый моментъ! Бьетъ 10 часовъ... Отправляюсь... подхожу къ сѣровскому подъѣзду... Славинскій уже ждетъ меня.

Сначала онъ одинъ вошелъ, потомъ подозвалъ меня. Войдя, я увидѣла свѣтлую, большую комнату съ тѣмъ историческимъ балкономъ, который якобы служилъ для вышеупомянутаго «сманиванія» къ себѣ учениковъ консерваторіи. Часть комнаты была отгорожена огромными библиотечными шкафами, за которыми стоялъ низенькій диванъ, замѣнявшій, повидимому, постель. Органъ, рояль, скрипка и ноты... ноть—цѣлое море! Комната была такъ велика, что я сначала не рассмотрѣла маленькаго

человѣка, одѣтаго въ сѣрое; и самъ онъ мнѣ показался весь сѣрымъ, длинные волосы были также сѣрые. Тихой, мягкой поступью подошелъ онъ ко мнѣ (подходилъ онъ не торопясь); прочитавъ, вѣроятно, на моемъ лицѣ смущеніе, онъ улынулся мнѣ привѣтливо (губы были очень тонки, нѣсколько сжаты, ротъ весьма большого разрѣза), голова была закинута назадъ, глаза, маленькіе, полные жизни, блеска, огня и ума, были уставлены на меня. Я же находилась въ полномъ недоумѣніи: старый или молодой человѣкъ стоитъ передо мной? Хотя сѣдой и съ замѣтной лысиной, но съ фizioноміей оживленной, съ неуловимо быстрыми движеніями, съ голосомъ необычайно пріятнаго тембра, онъ производилъ впечатлѣніе юное, свѣжее. Сказавъ что-то Славинскому, онъ засмѣялся; смѣхъ его былъ заразительно веселый. Онъ взялъ меня за обѣ руки и усадилъ на диванъ. Улыбаясь своею игривой усмѣшкой, которую многіе принимали за злую, онъ спросилъ:

— Ну-съ, о чемъ же мы съ вами поведемъ бесѣду?

Я только что прочла книгу объ «отношеніи искусства къ дѣйствительности» ¹⁾ и очень была озадачена вычитанными мною теоріями, которыхъ не умѣла распутать въ своей незрѣлой головѣ. Вздумалось мнѣ внезапно брякнуть:

— Какъ сдѣлать, чтобъ музыка была полезна?

Сѣровъ лукаво посмотрѣлъ на меня, зная отлично, откуда вѣтеръ дуетъ. Съ напускной серьезностью отвѣтилъ онъ мнѣ:

— На биржѣ пеньку продавать!

Мы дружно захохотали.

— Вы піанистка?—спросилъ онъ.

— Да, играю!—отвѣтила я.

— Сыграйте намъ что-нибудь; Славинскій мнѣ говорилъ, что вы Баха любите.

— Это мой любимый композиторъ.

— О-го! Это лучшая рекомендація вашего вкуса. Ну-съ, мы слушаемъ!

Я сыграла фугу наизусть, вложила всю душу въ нее, такъ какъ хотѣлось хоть нѣсколько подняться въ глазахъ великаго мастера послѣ моего нелѣпаго дебюта по части салонныхъ разговоровъ. Сыгравъ ее, я обернулась и поражена была выраженіемъ его лица: онъ сидѣлъ серьезный, задумчивый. Особенно душевнымъ голосомъ тихо, какъ бы нечаянно, проронилъ онъ слова:

— Такъ молода и ужъ такъ много пережила!—Чутокъ былъ Сѣ-

¹⁾ Чернышевскаго.

ровъ.—Сыграемте на органѣ четырехручную фугу Баха, онъ—и мой любимый композиторъ. Въ этомъ мы съ вами сходимся, какъ видите.

Мы заиграли стройно, какъ бы—одинъ человѣкъ: обаятельный тембръ органа, игра съ Сѣровымъ неимоვნно воодушевили меня. Мы сыграли нѣсколько фугъ подрядъ. Славинскій простился и ушелъ. По его уходѣ я почувствовала такую потребность излить свою душу передъ Сѣровымъ, что рассказала ему обо всѣхъ своихъ горестяхъ: неудовлетворенности въ консерваторіи, о моемъ желаніи художественно воспитать себя и т. д. Сѣровъ выслушалъ все внимательно и спросилъ:

— Развѣ у васъ есть композиторскія способности?

— Не знаю, я писать не умѣю, а импровизировать могу.

Онъ заставилъ меня импровизировать при немъ; я до тѣхъ поръ ни передъ кѣмъ не рѣшалась этого дѣлать, но его доброе отношеніе внушило мнѣ полное довѣріе, и робость пропала сама собой.

— Жаль, что вы не мальчикъ!

Вотъ все, что онъ сказалъ.

— А почему дѣвушка нелзя быть композиторомъ?—спросила я не безъ робости.

— Какъ вамъ сказать? Мужчинѣ—и то трудно пробиться. Надо много энергіи (этого у васъ, кажется, хватить), надо много общаго образованія, музыкальнаго техническаго умѣнія. Еще вотъ что меня смущаетъ: женщины-исполнительницы наравнѣ съ мужчинами развиваютъ свои таланты, но какъ художники-созидатели онѣ просто никуда не годны. Въ живописи вѣчно сидятъ на цвѣточкахъ и птичкахъ; въ музыкѣ же романсикъ и фортепіанная пьеска подозрительнаго свойства истощаютъ все ихъ творчество. Впрочемъ, не стану васъ обезкураживать. Сколько могу, постараюсь реализовать ваши добрыя намѣренія, но прежде всего нужно в с п а х а т ь м о з г и, много думать, читать... Возьмемъ 9-ю симфонію Бетховена. Вотъ текстъ Шиллера: *An die Freude*... Прочтите стихотвореніе. Вы его поняли? Впрочемъ, вы соціальныя книжки читаете,—добавилъ онъ, улыбаясь,—вы должны понимать подобныя идеи. Давайте играть. Обратите вниманіе на тему радости: она пробивается издали, какъ будто изъ-за розоваго облачка; разсѣкаетъ тьму туманнаго броженія неустановившихся силъ, находившихся въ полномъ невѣдѣніи и первобытной безсознательности. Какъ успокаиваетъ, какъ нѣжитъ эта тема взволнованное, удрученное чувство: она служитъ провозвѣстницей болѣе свѣтлыхъ, болѣе блаженныхъ временъ, хоть и въ далекомъ будущемъ! Перейдемъ ко второй части. Тутъ мы станемъ очевидцами дикой, необузданной человѣческой оргіи; какъ ни странно, но тема радости именно въ изображеніи этой оргіи имѣетъ совершенно русскій пошибъ. Какой жизненностью, какой трепетной, захва-